

УДК: 94:314.152.2 (575.2)(04)

Алымкулов Замирбек Аманбекович,
философия илимдеринин доктору, доцент.
Кыргыз Республикасынын Президентине караштуу Улуттук илимдер академиясынын
академик А. А. Алтмышбаев атындагы
Философия институтунун башкы илимий кызматкери.
т: +996700907900 Эл. почта: zamirbek_a72@mail.ru
Чуй пр. 265 а. г. Бишкек, Кыргызстан.

Алымкулов Замирбек Аманбекович,
доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник
Института философии имени академика А. А. Алтмышбаева
Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики.

Alymkulov Zamirbek Amanbekovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Chief Researcher at the Institute of Philosophy named after
Academician A. A. Altmyshbaev of the NAS KR

Абдырахманов Төлөбек Абылович,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики
Абдырахманов Төлөбек Абылович,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент,
главный научный сотрудник Института философии имени
Академика А. А. Алтмышбаева Национальной академии наук при Президенте Кыргыз-
ской Республики. Т: +996703406919 Эл. почта: uiu212@mail.ru

Abdyrakhmanov Tolobek Abylovich,
Doctor of Sciences in History, Professor, Chief Researcher at the Institute
of Philosophy named after Academician A. A. Altmyshbaev,
Corresponding Member of the NAS KR

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В АНТИКОЛОНИАЛЬНОМ ВОССТАНИИ КЫРГЫЗОВ В 1916 ГОДУ**

**КЫРГЫЗДАРДЫН 1916-ЖЫЛДАГЫ
АНТИКОЛОНИАЛДЫК КӨТӨРҮЛҮШҮНДӨГҮ ИДЕОЛОГИЯЛЫК ФАКТОР**

**THE IDEOLOGICAL FACTOR IN THE ANTI-COLONIAL UPRISING
OF THE KYRGYZ PEOPLE IN 1916**

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологического фактора в антиколониальном восстании кыргызов 1916 года в контексте мировоззрения поэтов-заманистов (де-модернистов) XIX – начала XX вв. Цель исследования — выявить роль идеологии «заманистов» как формы интеллектуального и духовного сопротивления колониальной модернизации Российской империи и определить ее влияние на формирование протестного сознания кыргызского общества накануне событий 1916 года. Восстание 1916 года рассматривается не только как реакция на колониальное давление, но и как проявление глубинного идеологического конфликта между имперским проектом модернизации и традиционным мировоззрением кочевого общества.

Ключевые слова: Модерн, до-модерн, Ранаджит Гуха, Subaltern Studies, «заманисты», грамшианство, элитаризм, «акыны-заманисты», антиколониализм.

Аннотация. Макала XIX - XX кылымдын башындагы заманчы акындардын (де-модернисттер) дүйнөкараштары кыргыздардын 1916 жылдагы антиколониалдык көтөрүлүшүндөгү идеологиялык факторлорду шарттаган себеп катары талдоого алынды. Изилдөөнүн максаты Орус империясынын колониалдык модернизациялоосуна “заманчылардын” идеологиясы рухий, интеллектуалдык каршы чыгуу формасы болгонун жана 1916 жылдагы көтөрүлүштүн алдында коомдук аң сезимдеги нааразычылыктардын калыптанышында аткарган ролун айкыndoо. 1916 жылдагы көтөрүлүш колониалдык басмырлоого жооп гана эмес, империялык модернизациялоо долбоору менен көчмөн коомдун салттуу дүйнөкарашынын ортосундагы терең идеологиялык келипестигинин жыйынтыгы.

Негизги сөздөр: Модерн, до-модерн, Ранаджит Гуха, Subaltern Studies, «заманчылар», грамшиандык, элитаризм, «заманчы-акындар», антиколониалдуулук.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideological factor in the 1916 anti-colonial uprising of the Kyrgyz people, examined within the context of the worldview of the Zamanist poets (de-modernists) of the 19th and early 20th centuries. The purpose of the study is to identify the role of the «Zamanist» ideology as a form of intellectual and spiritual resistance to the colonial modernization of the Russian Empire, and to determine its influence on the formation of the protest consciousness of Kyrgyz society on the eve of the 1916 events. The 1916 uprising is considered not merely as a reaction to colonial pressure, but also as a manifestation of a profound ideological conflict between the imperial modernization project and the traditional worldview of the nomadic society.

Keywords: Modernity, pre-modernity, Ranajit Guha, Subaltern Studies, «Zamanists», Gramscianism, elitism, «Zamanist akyns», anti-colonialism.

Введение

Антиколониальное восстание кыргызов 1916 года — одно из наиболее трагических и судьбоносных событий в истории Центральной Азии начала XX века. Развернувшееся на территории современного Кыргызстана и охватившее обширные районы Туркестана, оно стало частью общерегионального кризиса Российской империи в годы Первая мировая война. Непосредственным поводом к выступлению послужил царский указ от 25 июня 1916 года о мобилизации «инородческого» населения на тыловые работы. Однако глубинные причины восстания носили системный характер и были связаны с колониальной политикой переселенчества, изъятием земель, налоговым гнѐтом и разрушением традиционных и религиозных форм общественной организации кочевого общества.

В историографии восстание 1916 года нередко рассматривается преимущественно как реакционная, спонтанная, и стихийная реакция населения на мобилизационный указ. Однако подобный подход не в полной мере отражает сложность и глубину происходивших процессов. Восстание имело не только социально-экономические, но и идейные основания. В его интеллектуальной

основе особую роль сыграли представители религиозно-философского течения «заманизм» — поэты-мыслители, получившие в научной литературе название «заманисты». Их творчество, насыщенное мотивами утраты традиционного уклада, критикой колониального давления и пророческими предупреждениями о наступлении «смутного времени» (замана), стало своеобразной духовной платформой сопротивления.

Заманистская поэзия формировалась как реакция на трансформацию общественных отношений в условиях колониального управления. Осмысливая происходящие изменения в течении столетнего периода, поэты-идеологи восстания создавали образ кризиса как переломного исторического момента, требующего нравственного выбора и коллективного действия. Их произведения соединяли элементы исламской эсхатологии, тюркской эпической традиции и социального протеста, формируя идейный дискурс, в котором борьба против колониального гнѐта приобретала сакральное и историческое оправдание.

Таким образом, изучение идеологии антиколониального восстания кыргызов 1916 года предполагает анализ не только политических и военных аспектов событий, но

и духовных, мировоззренческих оснований народного движения. Рассмотрение творчества заманистов как идеологов восстания позволяет по-новому интерпретировать характер сопротивления — не как стихийный, спонтанный, «бессмысленный» бунт, а как осмысленную форму национально-освободительного протеста, укоренённую в культурной и религиозной традиции кыргызского общества.

Как известно, классическое понятие идеологии сформировалось в условиях современного европейского общества и предполагает наличие рационализированных политических доктрин, письменных программ, партийных институтов и светской публичной сферы. Применение этого понятия к антиколониальным восстаниям народов Востока XIX – начала XX века часто приводит к ошибочному выводу об «отсутствии идеологии» или «стихийности», «бессмысленности» сопротивления.

Так, в советской историографии антиколониальное восстание 1916 года рассматривалось преимущественно как стихийное народное движение, вызванное колониальной эксплуатацией и мобилизацией на тыловые работы. Роль духовных и культурных факторов, как правило, недооценивалась или интерпретировалась в рамках «феодално-клерикального влияния».

В последнее время в трудах кыргызских исследователей усиливается внимание к традиционному сознанию, устной культуре и институту акынов как важнейшему фактору общественной мобилизации. В частности, акыны - заманисты рассматриваются не просто как поэты, а как социальные мыслители до-модерного типа, формировавшие коллективные представления о справедливости, власти и исторической судьбе народа.

Еще один важный момент: историография антиколониализма оставалась в плену европоцентричного понимания идеологии как продукта модерна - рациональной, письменной, секулярной и институционализированной. В рамках такого подхода антиколониальные восстания традиционных обществ Востока трактовались как «дополитические» или «стихийные». Вопрос о заманистах как идеологах антиколониального сопротивления до сих пор остается недостаточно систе-

матизированным, что и определяет актуальность настоящей работы

Научная новизна.

Антиколониальное восстание кыргызов 1916 года против колониальной политики царской России занимает особое место в истории Кыргызстана. Тем не менее, в историографии долгое время преобладали упрощенные социально-экономические и политико-административные интерпретации этого события.

Однако в последнее время всё больше внимания уделяется культурно-идеологическим основаниям восстания, в частности, роли традиционных форм сознания и устной поэтической культуры. В этом контексте особый интерес представляет феномен кыргызских акынов-заманистов, которые выступили выразителями и идеологами антиколониального мировоззрения традиционного общества.

В отечественной историографии антиколониального восстания кыргызов 1916 года «заманизм» впервые концептуализируется как форма до-модерной идеологии. Следовательно, восстание рассматривается не как «случайный», «стихийный», «примитивный», «бессмысленный» социальный бунт или исключительно социально-экономическое движение. Рассматривается, что восстание обладало идеологической предпосылкой, адекватной традиционному сознанию кыргызского общества.

Переосмысливается роль акынов-заманистов, которые впервые интерпретируются не только как поэты или фольклорные деятели, но как «традиционные интеллектуалы» (в грамшианском смысле) и идеологи антиколониального сопротивления кыргызов начала XX века.

При этом, подчеркивается, что идеология восстания 1916 года носила символическо-сакральный характер, где центральными категориями выступали жер-суу, родовая принадлежность, адат, вера и коллективная мораль, а не классовые интересы в современном понимании.

В кыргызском традиционном обществе устная поэтическая культура, то есть заманистская поэзия, выполняла функции идеологии, аналогичные функциям письменных политических программ в современных обще-

ствах, тем самым расширяя механизмы и поле идеологической мобилизации.

Новая интерпретация причин массовости и радикальности восстания 1916 года основана на анализе идеологического объяснения кризиса традиционного сознания и символического разрушения кочевого мира, а не только на административных и экономических факторах.

Исследование вносит новый вклад в переосмысление антиколониального движения кыргызского народа, предлагая аналитический язык, выходящий за рамки советских и европоцентричных интерпретаций антиколониального восстания.

Юбилейный 110 лет, прошедшие со времени антиколониального восстания кыргызов 1916 года, заставляют нас вновь и вновь обращаться не только к хронике самого восстания, но и к его более глубоким историческим и духовным истокам. Восстание не возникает внезапно, оно зреет в сознании народа, в его памяти, в его языке, в его представлениях о справедливости и достоинстве. Восстание 1916 года стало кульминацией накопившегося напряжения. Причины его были сложными и многослойными — от мобилизационного указа до социальных и экономических противоречий. Однако нельзя игнорировать и тот духовный фон, на котором разворачивались события. Антиколониальные настроения не возникли за несколько месяцев, они складывались десятилетиями. И в этом длительном процессе идейные факторы сыграли роль своеобразного нравственного предисловия к восстанию.

Фактически все известные антиколониальные выступления народов Востока, ни одно крупное коллективное насильственное действие не происходило вне смысловой рамки, легитимирующей его для участников. Если исследователь не реконструирует эту рамку, он оставляет без анализа ключевой механизм исторической мобилизации. Потому, что ни одно коллективное историческое действие не происходит вне системы смыслов, интерпретаций и нормативных представлений, которые выполняют функцию идеологического основания.

В отношении массового антиколониального выступления кыргызов в 1916 г. неред-

ко использовался характеристика «стихийное», «локальное», «реактивное», а порой — «бессмысленное». Проблема здесь заключается не столько в оценке самого события, сколько в используемой объяснительной модели. Прежде всего следует задать методологический вопрос - что мы понимаем под «стихийностью» в историческом анализе? Если под этим термином подразумевается отсутствие программных документов, централизованного руководства или единого центра, то с этим можно согласиться. Однако если «стихийность» означает отсутствие смысловой структуры, многолетней идеологической подготовки или коллективного сознания, то такая характеристика требует серьезного пересмотра.

К сожалению, историография антиколониального движения длительное время оставалась в плену европоцентричного понимания идеологии как продукта модерна - рациональной, письменной, секулярной и институционализированной. В рамках такого подхода антиколониальные восстания традиционных обществ Востока (Индия, Судан, Китай и др.) трактовались как «дополнительные» или «стихийные». Например, в британской колониальной историографии XIX века (Дж. Кей, Ч. Баллантайн) Сипайское восстание против англичан в Индии трактовалось как «военный мятеж», лишённый идеологии. Такая интерпретация сознательно отрицала наличие политического и культурного смысла сопротивления. Однако, индийская национальная историография XX века (В. Д. Саваркар, С. Н. Сен, Р. Ч. Маджумдар) радикально пересмотрела эту позицию, подчеркнув идеологическую, религиозную и цивилизационную природу восстания. Современные исследователи (Ранаджит Гуха, Кристофер Бейли) рассматривают Сипайское восстание 1857-1858 годов как форму традиционного антиколониального сопротивления, в котором идеология выражалась через религию, династическую легитимность и коллективную память. Кстати, Ранаджит Гуха был основателем исследовательского направления Subaltern Studies («исследования подчиненных»). Направление возникло для изучения истории постколониальных угнетенных народов, маргинализированных групп, исключенных из элитарных колони-

альных и националистических нарративов. Они сосредоточились на «истории снизу», критикуя европоцентричные подходы. В свое время, термин ввел А. Грамши для обозначения социальных групп (субальтерн - подчиненный), лишенных возможности влиять на политику. Цель - переосмысление истории, критика элитарных подходов, фокусировка на самостоятельной политической роли масс. Они сыграли ключевую роль в пересмотре постколониальной теории, акцентируя внимание на невидимости подчиненных (Subaltern) групп в официальных историях. Утверждали, что субальтерные группы имели собственное сознание и политику, не сводимую к руководству элиты.

Как показали работы Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма и позднее представителей Subaltern Studies, идеология может существовать и в до-модерных, символических формах, не сводимых к партийным программам или националистическим доктринам. Антиколониальное восстание кыргызов 1916 года требует именно такого — неклассического прочтения. Веберовское различие между традиционным и рационально-легальными типами действия позволяет интерпретировать поведение кыргызского общества как осмысленное в рамках собственной ценностной рациональности (Wertrationalität), а не как иррациональное, примитивное. Дюркгеймовская идея коллективных представлений объясняет, почему земля, адат и вера выступали не частными интересами, а сакральными основаниями социальной солидарности, массового выступления кыргызов.

Современная теория социальных движений показывает, что массовое коллективное действие не возникает на пустом месте, в ценностном вакууме. Даже так называемые «спонтанные» восстания предполагают наличие трёх обязательных элементов: интерпретации кризиса (проблемы), моральной оценки происходящего и представления о допустимости действия. Без этого недовольство остаётся всего лишь частным раздражением, локальным волнением и не превращается в массовое (коллективное) выступление. Применение современных теорий Чарльз Тилли, Сидни Тэрроу и Дуг Мак Адама демонстрирует, что восстание кыргызов 1916 года следует рассматривать

как форму организованного коллективного действия в условиях кризиса имперской системы. Оно возникло на пересечении структурного давления, изменения политических возможностей и трансформации коллективного сознания. Таким образом, события 1916 года являются не только трагической страницей региональной истории (Туркестан), истории кыргызов, но и важным примером мирового антиколониального движения в рамках сравнительной теории социальных протестов.

В этой связи, важно различать триггер и причину. Царский Указ о мобилизации 1916 года, безусловно, стал триггером. Но триггер не равен объяснению. Административные решения принимались в различных регионах империи, однако масштабная, тем более вооружённая реакция возникла не повсеместно. Следовательно, необходимо искать те факторы, которые обеспечили переход от недовольства к восстанию. Именно здесь возникает вопрос об идеологической предпосылке восстания.

Конечно, в кыргызском традиционном обществе в XIX - начале XX века под идеологией понимается не программные документы в современном смысле, а систему смыслов, через которую общество интерпретировало происходящее. Это было совокупность представлений о справедливости, власти (местной и чужеземной), времени, нравах, допустимом и недопустимом. В традиционном обществе эта система не оформлялась в виде манифестов, но функционировало через устную культуру, традиционные и религиозные нормы, поэзию и коллективную память.

Акыны-заманисты конца XIX — начала XX века формировали именно такую систему интерпретации. В их поэзии кризис осмысляется не как частная политико-административная, экономическая проблема, а как «порча времени», как разрушение морального порядка. Чужеземная власть воспринималась как атака на весь образ жизни, а не только на землю. Господство другого государства для кочевников означало крах целого способа, уклада жизни (земля, кочевья, род), воспринималось как «заман бузуду» — слом времени. Это было неравное, драматическое столкновение «двух миров» - миров модерна (имперская Россия) и домодерна (традици-

онное кыргызское общество).

В традиционном кыргызском обществе такое столкновение, такой кризис лучше всего артикулировался языком поэтического пророчества акынов, а не фикхом или шариатской аргументацией. Заманисты говорили о конце самобытного справедливого мира, о потере адата и нравственных устоев, о грехе отступления от пути предков, о гибели рода, о проникновении и давлении другого государства. Они говорили о столкновении двух культур, двух религий и двух миропонимания. Для кочевников это было понятнее и убедительнее, чем политическая программа или религиозная фетва.

В произведениях заманистов фиксируется утрата земли, нарушение обычая, изменение социальной иерархии, ощущение перевернутого мира. Это не только эмоциональная реакция, а устойчивая, столетняя (от Калыгула до Молдо Кылыча (1785 - 1917гг.) когнитивная модель объяснения происходящего. В целом, заманистская традиция представляла собой перманентную духовно-нравственную линию кыргызской общественной мысли XIX – начала XX вв. Через эти мотивы акыны формировали антиколониальное настроение, поведение, мировоззрение, доступное и понятное широким массам кочевников.

Мотивы Калыгул Бай уулу (Калыгул олуя) (1785-1855гг.). Он считается одним из основоположников кыргызского заманизма. Его пророческие “толгоолор” содержали предупреждения о приходе «чужой власти», утрате земли, разрушении адатов и моральном разложении общества. Хотя его творчество относится к более раннему периоду, именно его идеи заложили матрицу восприятия колониализма как исторической катастрофы, которая затем была унаследована акынами-заманистами конца XIX – начала XX века. Его слова носили характер исторического пророчества:

«Кара жерге казык каккандар келет
Элдин жерин энчилеп алат.
Эзелки жолдон адашкан күндө,
Кыргыздын күнү караң болот».

В этих строках отчетливо звучит мотив прихода чужаков, захвата земли и грядущей катастрофы. Хотя Калыгул жил раньше 1916 года, его идеи сформировали устойчивую мо-

дель восприятия колониальной реальности, актуализированную поздними заманистами.

Арстанбек Буйлаш уулу (1824-1878гг.) — ключевая фигура социально-критической поэзии. Он не **мог** быть прямым участником или идеологом Восстания 1916 года, но его поэтическое мировоззрение стало одной из духовно-идеологических основ антиколониального сознания, которое к 1916 году уже «созрело». В его произведениях отчетливо звучит мотив утраты самостоятельности, страдания народа под гнетом несправедливой власти, осуждение как внешних угнетателей, так и внутренних элит, служащих им. Его поэзия формировала чувство исторической несправедливости и моральное право на сопротивление. Арстанбек Буйлаш уулу в своих толгоолор резко критиковал несправедливую власть и страдания простого народа:

«Эл жүдөгөн заманда,
Эр үн катпай калганда,
Зомбулуктун зили бар
Жердин үстүн каптаганда...»

Арстанбек формировал чувство морального протеста, направленного как против внешнего гнета, так и против внутренних элит, сотрудничавших с колониальной администрацией.

Молдо Кылыч (Молдо Кылыч Шамыркан уулу) (1866-1917гг.)

Один из наиболее ярких представителей позднего заманизма, непосредственно связанный с эпохой колониального давления. В его произведениях отчетливо проявляется антиколониальный пафос, тревога за судьбу народа, критика русской переселенческой политики, разрушения традиционного хозяйства и веры. Молдо Кылыч выступал как религиозно-нравственный авторитет, что усиливало влияние его слова на массы. Его поэзия соединяла исламскую этику с социальным протестом:

«Капыр бийлик күч алса,
Кайран элдин иши не?
Жер кетсе, дин кетсе,
Кыргыз болуп жашоо не?»

Здесь колониальная власть осмысливается как угроза земле, вере и самой идентичности народа, что делало сопротивление морально оправданным.

Заманистская поэзия — это особый тип

социально-философского осмысления действительности. Акыны-заманисты как мобилизующая сила выступали перед народом в течение целого столетия. Они передвигались из кочевья в кочевье, создавая устную коммуникационную сеть, интерпретировали чужеземную власть как окончательное порабощение народа, представляли колониальную политику как угрозу вере, земле и будущему потомков, морально легитимировали сопротивление, превращая страх в коллективный гнев. Важно подчеркнуть, что они не были военными организаторами, но без их идейного влияния массовое восстание в условиях традиционного общества было бы невозможно. Таким образом, к 1916 году в общественном сознании уже существовала рамка, в пределах которой государственное вмешательство воспринималось не как частная мера, а как проявление более глубокой несправедливости. В этом смысле мобилизационный указ царя попал в уже подготовленную смысловую почву, структуру. Безусловно, здесь принципиально важно подчеркнуть, что восстание не было централизованно спланированным или имело единую организационную вертикаль. Речь идёт о другом. Стихийность формы массового движения не исключает идеологической обусловленности восстания.

Историческое действие, по определению Макса Вебера, — это действие, наделённое субъективным смыслом. Если для участников их действия имели нравственное оправдание, если они воспринимали их как восстановление справедливости, то исследователь не вправе игнорировать этот смысл и ограничиваться описанием административного контекста. Более того, массовое насилие требует легитимации. Люди не рискуют жизнью и не нарушают установленный порядок без внутреннего убеждения в допустимости такого шага. Это убеждение не возникает мгновенно. Оно формируется, во-первых, длительно, во-вторых, через культуру, традицию, интерпретацию исторического времени. Поэтому сведение восстания исключительно к «реакции на мобилизацию» методологически упрощает картину. Такая редукция делает из исторических субъектов объект административного воздействия, лишая их собственной системы смыслов.

В этой связи, задача современного исследователя — реконструировать эту систему, а не подменять её внешней логикой имперского и советского центра. Благо, что в современных условиях, во-первых, все доступнее становятся современные подходы — историческая антропология, теория социальных движений, универсальный дискурс-анализ, что позволяют рассматривать идеологию не как иллюзорную надстройку, а как структурный элемент мобилизации. Во-вторых, в научный оборот возвращаются ранее маргинализированные источники — устная поэзия, религиозные тексты, фольклорные свидетельства.

В таком случае получится и переосмысление исторического значения антиколониального восстания кыргызов в 1916 году. Как известно, восстание считался бессмысленным с точки зрения имперской государственной рациональности, но оно не было бессмысленным для его участников — кыргызов. Игнорирование этого различия ведёт к односторонности исторического анализа антиколониального движения кыргызов. Конечно, предлагаемый подход не отрицает административных, материальных причин, экономического давления или политических и нравственно-религиозных факторов. Но, он ещё утверждает, что переход от структурного кризиса, локального недовольства к коллективному антиколониальному восстанию невозможен без идеологического посредника — без системы представлений, которая делает действие морально допустимым, необходимым и исторически закономерным, и оправданным.

В этом смысле идеология акынов-заманистов выступает не вторичным отражением кризиса, а одним из его структурных мобилизующих элементов. Она создавала когнитивную матрицу, в рамках которой колониальная трансформация воспринималась как разрушение порядка, хотя и традиционного, а сопротивление — как попытка восстановления справедливости. При этом, заманист — это фигура между эпохами. Он ещё целиком находился внутри традиционного мира, но уже видит его конец и не предлагает нового порядка, лучшего варианта, а предупреждает.

Заключение

Современной исторической науке происходит расширение методологического инструментария. В частности, современные подходы — историческая антропология, теория социальных движений, дискурс-анализ — позволяют рассматривать идеологию не как иллюзорную надстройку, а как структурный элемент мобилизации. Благодаря этому, постсоветская историография всё чаще отказывается от упрощённой характеристики восстания как стихийного. Даже при признании локальной децентрализованности действия акцент смещается на реконструкцию смысловых рамок, внутри которых событие стало возможным. Идеология акынов-заманистов в этом контексте может быть понята как форма кризисной диагностики, форма социальной мобилизации, механизм консолидации коллективной идентичности, средство моральной легитимации сопротивления. Если досоветская модель отрицала субъектность, а советская — ограничивала

её рамками классовой схемы, то современный подход стремится реконструировать внутреннюю систему смыслов, через которую участники интерпретировали кризис

Включение творчества акынов-заманистов в научный оборот позволяет преодолеть представление о восстании как реактивном или стихийном явлении и рассматривать его как историческое действие, опосредованное устойчивой системой мировоззренческих представлений. Из-за структурного ограничения советской исторической методологии феномен заманистов оказался вне поля анализа или считался реакционным. Историографическое замалчивание - проблема советской интерпретационной рамки, в рамках доминирующей марксистско-ленинской методологии творчество заманистов замалчивалось или было квалифицировано как «реакционное», «феодално-патриархальное», «религиозно-консервативное». В результате их наследие оказалось вытесненным из анализа идеологических предпосылок восстания 1916 года.

Список использованной литературы

1. Абдырахманов Т. А. Вопросы историографии восстания 1916 года в Туркестане. Вестник КГУ им. И. Арабаева. 2021. № 5 -2;
2. Ибраимов О. И. «Заманисттердин» коз жашы. Азаттык 2012. 19-декабрь.
3. Абдырахманов Т. А., Бедельбаев А., Карыева А. К. Кыргызстандагы агартуучулук кыймып. (xx-XXк. башы) Б.: 2019. 302 б.
4. Жапаров Д. М. Гипотеза о концепции заманизма Калыгула. 2016. 52 с.
5. Бабашов А. К. «Эволюция национальной идеологии». Диссертационная работа на соискание ученой степени доктора философских наук. 09.00.03. Бишкек 2024.
6. Кулмамбетова А. С. «Нравственно-этические идеи акынов-заманистов». Автореферат диссертации на соискание кандидата философских наук. 09.00. 03. Бишкек 2000.
7. Осмоналиев М. А. «Калыгул Бай уулунун мурастары жана акындар чыгармачылыгындагы жалпылыктар». Филология илимдеринин кандидаты окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертация. 10.01.01. Бишкек 2014.